

Ю.Г. Павленко

д.э.н., профессор, Институт экономики РАН, Москва

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО. В ПОИСКАХ МЕХАНИЗМОВ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Аннотация. В работе предпринята попытка определить некоторые направления выхода из кризиса современного социального государства. Дается описание кризисной ситуации, выявляются некоторые фундаментальные ее причины, образующие механизмы торможения. Особое внимание уделяется развитию демократических процедур и необходимости формирования современных ценностных ориентаций человека, адекватных вызовам постиндустриального общества. В этой связи приводятся конкретные примеры «социально-ответственного» поведения некоторых видных представителей отечественного и зарубежного бизнеса. Подчеркивается определяющая роль современного гражданского общества в формировании социально-ориентированной экономики. Акцентируется внимание на дискуссиях вокруг географической и культурной детерминированности научных исследований, методологических аспектах социальной «укорененности» науки, противоречий между глобальным и универсальным в социальных науках. Экономической основой современного социального государства рассматривается инновационная экономика, экономика знаний. Анализируется состояние научно-технического потенциала России, ее экономики в контексте глобальной конкуренции. Отмечается влияние реалий экономики знаний на возникновение новых форм производственных отношений. Обращается внимание на успешные институциональные «механизмы развития» в Китае, обеспечивающие рост благосостояния населения.

Ключевые слова: *социальное государство, патернализм, гражданское общество, демократия, научно-технический потенциал, инновационная экономика.*

JEL: B25, B40, I3, O38, P30.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_2_35_44.

Социальное государство в кризисе

Социальное государство (welfare state) — понятие, возникшее в 40-е гг. прошлого XX в. для обозначения ситуации, при которой государство несет основную ответственность за обеспечение минимального уровня жизни посредством системы социального обеспечения, предоставляющей услуги и материальные блага для удовлетворения базовых потребностей в жилье, медицинском обслуживании, образовании и финансах. В более поздние годы, начиная с 80-х гг. XX в., бюджетные кризисы, а также влияние идеологии неolibерализма и идей новых правых подвигли многие правительства к глубоким преобразованиям социального государства¹. Напомним, что бюджетный кризис (budget crisis), согласно Словарю Лопатникова, характеризуется ситуацией, когда резко обостряется дефицит бюджета, и государство теряет возможность выполнения своих обязательств — прежде всего социальных обязательств² [Словарь, 2021].

¹ A Dictionary of Sociology. New York: Oxford University Press. P. 702.

² Словарь Лопатникова (Общеэкономический и экономико-математический объяснительный словарь). lopatnikov.pro/slovar/b/byudzhethnyj-krizis (дата обращения: 4.03.2021).

Российские исследователи отмечают также снижение роли общественного контроля социального диалога, а также ослабление влияния трудящихся на ход социально-экономических процессов. Наблюдаются изменения в сфере труда, помимо прочего, предполагающие ограничение индексации заработной платы, децентрализацию коллективных переговоров, а также меры по увеличению гибкости занятости, многие из которых не столько генерируют создание рабочих мест, сколько способствуют росту «неустойчивости» рынка труда и стагнации трудовых доходов. Наконец, внедряется режим «социальной экономии», отказ от распространения патерналистской активности государства на всех членов общества и переход к государству участия [Шестакова, 2019. С. 105]. Перечисленные процессы негативным образом отражаются на социальной интеграции и стабильности общества.

Кризис социального государства находит непосредственное отражение на рынке труда, на поведении его участников. Распространенная сегодня практика рынка труда как сегментированного (дуального) рассматривается как вызов неоклассической теории. Различные концепции сегментированного рынка труда (СРТ), подчеркивая его фрагментацию, отдают приоритет институциональным и социальным объяснениям формирования заработной платы и занятости, а не действию сил спроса и предложения. В рамках этих концепций дифференциация в заработной плате не столько отражает различия в знаниях и умениях работников (в накопленном ими человеческом капитале), сколько является следствием фрагментированной (сегментированной) структуры рынка труда и связанных с этим различий в механизмах, формирующих уровень зарплаты [В тени регулирования, 2012. С. 14]. Описываемая ситуация очевидно служит вызовом социальному государству, его неспособности в его нынешнем состоянии обеспечить соответствие трудового вклада работников их вознаграждению.

Любопытны данные опроса, характеризующие предпочтения молодежи на рынке труда в Германии. На вопрос об их профессиональных целях в 2014 году треть всех немецких студентов университетов ответили, что ищут надежную позицию в государственной службе, больше всего они стремятся к стабильности и безопасности. Новые, новаторские профессии, рискованные стартапы и независимые творческая деятельность потеряли привлекательность для многих студентов. И напротив, государственная служба представляется им одной из немногих сфер, в котором могут быть обеспечены стабильная занятость, безопасность и предсказуемый социальный рост. Подобные настроения, как отмечают немецкие эксперты, отражают состояние общества, в котором присутствует коллективный страх нисходящей мобильности [Nachtwey, 2018. P. 7].

Механизмы торможения

Среди фундаментальных причин кризиса социального государства, отмечают то обстоятельство, что в условиях новых исторических вызовов патерналистское государство продолжало по-прежнему ориентироваться по преимуществу на устранение провалов рынка, постепенно утрачивая способность определять общие интересы, формулировать установки развития, что и предопределило реальные угрозы потери общественного благосостояния [На пути, 2018. С. 56].

Хотелось бы обратить внимание на интересную особенность кризисного состояния социального государства — его дезинтеграцию, разделение на две принципиально разные составляющие. Описание данной новой ситуации, вслед за немецким социологом В. Штриком, приводит П. Ореховский. По его словам, основная теоретическая новация, связанная с появлением так называемого государства долгов, заключается в том, что кроме граждан, которые «по определению» одновременно являются и налогоплательщиками, появляется другая категория физических и юридических лиц — держатели долгов, креди-

торы. Первые характеризуются как «государственный народ», вторые — как «рыночный народ» [Ореховский, 2020. С. 187].

Сам В. Штрик так описывает механизм торможения социального государства. По его словам, демократическое государство, управляемое своими гражданами и существующее за их счет в качестве налогового государства, превращается в демократическое государство долгов, как только его существование начинает зависеть не только от денежных выплат граждан, но в значительной степени и от доверия кредиторов. В отличие от «государственного народа» налогового государства, «рыночный народ» объединен на транснациональной основе. Его представители связаны с национальным государством исключительно узами контрактов — как инвесторы, а не как граждане [Штрик, 2019. С. 124].

Проблемы взаимоотношений «государственного» и «рыночного» народов, в несколько ином ее аспекте и интерпретации до В. Штрика, впервые рассматривал в своей работе «Восстание элит и предательство демократии» известный американский социолог К. Лэш. По его мнению, к концу 20-го столетия процессы глобализации в мире привели к ситуации, которую можно определить как «восстание элит» [Лэш, 2002]. В данном подходе речь идет о состоянии современной элиты, проблемах, связанных с ее отношением к обществу и, в конечном счете, о ее качестве и эффективности. По словам К. Лэша, элиты, определяющие повестку дня, утратили точки соприкосновения с народом. Прежний демократический идеал общего равенства условий подменяется выборным продвижением представителей низов в класс управленцев и специалистов. Нереалистический, искусственный характер современной, в частности американской, политики отражает, по мнению К. Лэша, ее оторванность от общественной жизни. Данная точка зрения, как нам представляется, во многом отражает объективные процессы, не только недалекого прошлого, но и в еще большей мере настоящего, процессы, имеющие универсальное значение. Очевидно, что особенно остро негативные последствия «восстания элит» проявляются в странах так называемого периферийного капитализма [Павленко, 2012].

Лауреат Нобелевской премии по экономике Пол Кругман, исследуя опыт США в решении проблемы неравенства и создания многочисленного среднего класса, указывает на еще одну фундаментальную причину кризиса социального государства. Речь идет, по его мнению, о решающей роли политических условий, расстановке политических сил в возникновении данного кризиса, проявляющегося, в частности, в росте уровня экономического неравенства. П. Кругман подчеркивает, что институты, нормы и политические условия гораздо больше влияют на распределение доходов, чем, в отличие от положений, содержащихся в базовых курсах экономикс, объективные рыночные факторы [Кругман, 2009]. В этой связи представляется, что важнейшей задачей для России сегодня является формирование и закрепление демократических процедур достижения социального консенсуса вокруг направлений и механизмов социальной политики, которые позволили бы ликвидировать существующие деформации.

Гуманитарно-демократическая составляющая

В современной обществоведческой литературе наблюдается достаточно интенсивное теоретическое осмысление опыта взаимоотношения индивида, общества и государства с акцентом на состоянии современного социального государства. Так, по мнению французского социолога Пьера Розанваллона, социальное государство, призванное решить современный социальный вопрос, должно основываться не как раньше на идее страхования от всевозможных рисков, таких как болезнь, безработица, старость, а на идее гражданства, то есть членства человека-гражданина, наделенного совокупностью политических, собственно гражданских и социальных прав. При этом солидарность между гражданами должна разви-

ваться одновременно с их участием в принятии решений на основе делиберативной демократии. Только в этом случае, по его словам, должны будут исчезнуть прежние противопоставления формальных и реальных, политических и экономических прав граждан [Розанваллон, 1997]. Отметим, что под делиберативной демократией в теории демократии подразумевается такое положение, которое подразумевает расширение власти гражданского общества и его влияние на представительную власть и администрации всех уровней и включает механизмы и процедуры конструктивного обсуждения проблем [Линде, 2015. С. 57]. Данная модель демократии предусматривает принятие политических решений, формулировку политической повестки и рассмотрение спорных вопросов, основываясь на делиберативном общественном мнении. Последнее понимается как формирующееся в рамках рационального и аргументированного публичного дискурса, направленного на достижение консенсуса.

По существу, сходную с П. Розанваллоном позицию занимает В.М. Ефимов, утверждающий, что без радикальной реформы представительной демократии в сторону активного участия рядовых граждан в обсуждении и принятии политических решений, построение стабильного социального государства невозможно, а воспроизведение и обострение социального вопроса становятся неизбежными [Ефимов, 2016. С. 290–291].

Одним из важнейших социальных институтов, способных мобилизовать активность граждан в рамках развития демократических процедур является, гражданское общество. Американский социолог А. Гоулднер (A. Gouldner), исследуя исторические механизмы возникновения капитализма, отмечает определяющее и даже приоритетное, по сравнению с материально-техническими факторами, значение гражданского общества в начальный, еще в недрах феодализма, период формирования классического капитализма [Gouldner, 1980]. Важную роль А. Гоулднер придает гражданскому обществу и в современных условиях формирования социально-ориентированной экономики. Иными словами, исторический опыт показывает, что в реальной практике базис и надстройка могут меняться местами с точки зрения приоритетности их статуса и значения для развития экономики. При этом не только социальная среда, социальная система могут меняться под воздействием активности человека, в частности, в рамках гражданского общества, но и человек и его поведение меняется в процессе адаптации к формирующейся социальной среде.

С удовлетворением, хотя и сдержанным, по причине их пока еще не массовости, следует отметить все более частые примеры «социально-ответственного» поведения видных представителей «рыночного народа» как за рубежом, так и в нашей стране. Речь идет о примерах поведения современных олигархов, миллиардеров, которое иногда определяется как «новая рациональность». Так создатель системы магазинов Duty Free американский миллиардер ирландского происхождения Чак Фини (Chuck Feeney) через свое детище — фонд The Atlantic Philanthropies пожертвовал на благотворительные цели, по некоторым оценкам, свыше 6,2 млрд долл. По словам Фини: «Я убедился, что куда больше удовольствия получаешь, когда отдаешь деньги и видишь, как благодаря им что-то появляется — например, госпиталь»³.

Другой эпизод, относится к нашему соотечественнику Владиславу Тетюхину, бывшему совладельцу крупной металлургической компании на Урале. Свердловский олигарх продал все свои акции и на вырученные 3,3 млрд руб. построил медцентр в Нижнем Тагиле. Миллиардер планирует также построить гостиницу, новые дома для сотрудников клиники, общежитие для студентов. Сам В. Тетюхин занимает пост генерального директора и в свои 82 года приезжает на работу строго по графику: к 9:00 утра 6 дней в неделю⁴.

³ 6 богачей, которые пожертвовали все свое состояние на благотворительность. (2018). www.adme.ru/zhizn-dobro/6-bogachej-kotorye-pozhertvovali-vse-svoe-sostoyanie-na-blagotvoritelnost-1024810 (дата обращения: 4.03.2021).

⁴ Там же.

Методологические споры об универсальности науки

Формирование эффективной модели социального государства, отвечающей историческому опыту и традициям каждой конкретной страны, очевидно, должно опираться на серьезный научный фундамент. И здесь хотелось бы обратить внимание на два важных обстоятельства методологического характера. Во-первых, речь идет об актуальности междисциплинарного подхода. Сошлемся на авторитет Нобелевского лауреата Д. Норта, утверждающего, что невозможно раздельное изучение экономических, политических и социальных изменений [Норт, 2010. С. 7]. В свою очередь, Т. Пикетти, в заключительной части своей новой книги «Капитал и идеология», озаглавленной «О гражданской и политической роли общественных наук», утверждает, что сегодняшний демократический беспорядок, неблагополучие в сфере демократии проистекает из того, что касается социальной и политической сфер, что экономическая теория отделилась от других социальных наук. Эта «автономизация» экономики, по его словам, частично является результатом технического характера и возрастающей сложности самой экономической сферы. Но это также результат повторяющегося искушения со стороны профессиональных экономистов, будь то в университете или на рынке, заявить о монополии на знания и аналитические способности, которыми они, по мнению Т. Пикетти, не обладают. В действительности прогресс в нашем понимании социально-экономических явлений становится возможным только за счет сочетания экономических, исторических, социологических, культурных и политических подходов. Ещё одним следствием чрезмерной автономизации экономической теории (экономической науки), по словам Т. Пикетти, является то, что историки, социологи, политологи и философы слишком часто доверяют изучение экономических вопросов экономистам [Piketty, 2020. P. 1039–1040].

Вторым из «методологических обстоятельств», на которое хотелось бы обратить внимание, является вывод, к которому также пришел Д. Норт, уже вслед за немецкой исторической школой, сделавшей это более ста лет назад. Речь идет о том, что, по мнению Д. Норта, наши теории неизбежно должны быть разными по отношению к разным географическим регионам мира и разным временным интервалам [Норт, 2010. С. 33–35].

Продвигаясь дальше в данном направлении мысли можно говорить не только о своеобразии объекта исследования, но и географическом (национальном) своеобразии самого субъекта исследования, т.е. ученого. Можно сказать, что социальная теория глобальна, но очевидно не универсальна, поскольку имеет свои национальные особенности, содержит свои характерные акценты. Так, согласно некоторым отечественным авторам, ключевой вопрос экономической науки — вопрос практической значимости производимого знания должен ставиться как вопрос об интерпретации (или об «авторитетном дискурсе»). Это подразумевает разговор о языковых средствах, которые не являются нейтральными и существуют в рамках культуры и имеющихся в ней дискурсов об «экономическом». При этом языковые средства всегда ценностно нагружены и детерминированы социальными и институциональными условиями, в рамках которых они воспроизводятся [Кошовец, Ореховский, 2018].

Со своей стороны, известный британский социолог и одновременно американский профессор М. Буравой подчеркивает, что наука не может быть абстрагирована от ее контекста, поскольку она является продуктом своей истории, а также более широкой истории, в которую также вписана. Проект науки, по его словам, от эпистемологий до теорий, от методологий до техник, глубоко пропитан тем социальным миром, в котором наука укоренена [Буравой, 2011].

В своем споре с известным польским социологом П. Штомкой, которого М. Буравой называет «последним позитивистом», британский социолог упрекает своего польского коллегу в том, что тот выступает как идеолог, пытающийся восстановить фиктивное прошлое посредством навязывания глобальному универсальное, не учитывая эмпирическую реальность. Даже сегодня, подчеркивает М. Буравой, с нашим повышенным национальным

и глобальным сознанием, многое в социологии США хотя и пишется без всяких географических референций, в действительности пишется о США; это частное, выдаваемое за универсальное [Буравой, 2011. С. 31]. В каждой стране национальные традиции находят отражение не только в содержании дисциплины, но также в ее внутренних расколах, ее институциональном устройстве, ее ранговой структуре и т.д. [Буравой, 2011. С. 32].

Любопытным дополнением к спору двух маститых ученых может служить высказывание еще одного социолога. Работающий в Университете Эразма в Роттердаме польский социолог Славомир Магала (Sławomir Magala), смело, по его словам, скрепя сердце, в «споре о методе» со П. Штомкой встал на сторону М. Буравого. При этом С. Магала делится своими наблюдениями, касающимися отношений, царящих в западной научной среде. По его словам, производство знаний там подвергается постоянным обсуждениям, переговорам и пересмотрам, не существует универсальных правил — «всех под одну гребенку». Наука предстает как своеобразный парламент, состоящий из конфликтующих партий: парадигмальных, прагматических, методологических и прочих, но никак не монастырь для методологических чистюль [Magala, 2012. S. 297].

Экономика знаний

Экономической основой современного социального государства является высоко-развитая инновационная экономика, опирающаяся на соответствующий ей научно-технический потенциал. Способность обеспечивать устойчивый экономический рост определяется, прежде всего, состоянием научно-технического потенциала и наличием институциональных механизмов его эффективного использования. Для оценки состояния данного потенциала в той или иной стране в рамках международных сопоставлений с точки зрения его финансовой составляющей используется показатель наукоемкости. Указанный относительный показатель определяется в виде затрат на исследования и разработки (НИОКР) в процентах к величине валового внутреннего продукта. В Советском Союзе наукоемкость ВВП была одной из самых высоких в мире. В период радикальных экономических реформ величина данного показателя в России снизилась почти в 3 раза. Сегодня по показателю наукоемкости мы находимся на уровне Польши и Турции, почти в 3 раза отстаем от США и в 2 раза от Китая [Павленко, 2018. С. 135].

Учитывая потребность в устойчивом развитии экономики, геополитическое положение страны, вызовы, с которыми оно связано, такое состояние научно-технического потенциала для нашей страны не может рассматриваться как удовлетворительное.

Отставание в развитии научно-технического потенциала негативно сказывается на конкурентоспособности российской экономики и, соответственно, российского государства в целом. В глобальном индексе конкурентоспособности, содержащемся в Отчете о глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума, Россия среди 138 стран занимает 43-е место. Специалисты Всемирного экономического форума классифицируют страны по стадиям развития, приняв за критерий характер ресурсов, на который они опираются и определяя соответствующий тип их экономики. В результате страны делятся на три типа: с факторной экономикой, с эффективной экономикой и страны с инновационной экономикой. К последним относятся наиболее развитые и конкурентоспособные экономики мира. Россия в рамках данной классификации отнесена к странам с переходной экономикой, от факторной — к эффективной [The Global, 2016].

Представляется, что в решении проблемы наращивания и качественного совершенствования научно-технического потенциала российской экономики заслуживает внимания накопленный опыт советской экономической науки в исследовании научно-технического прогресса. Известно, что ускорение НТП в до перестроечный период рассматривалось как

решающее условие повышения эффективности производства. В частности, заслуживают внимания и творческого осмысления, как не потерявшие актуальности и сегодня, некоторые результаты теоретических исследований и практических разработок в области планирования и долгосрочного прогнозирования НТП, проведенные в Институте экономики РАН в до перестроечный период [Павленко, 2020. С. 150–151].

Современное социальное государство, опирающееся на инновационную экономику и научно-технический потенциал, должно поддерживать новые формы социально-экономических, производственных отношений, учитывающих объективные условия кардинальных изменений в материально-технической базе современной экономики. В своем анализе современной экономики знаний выдающийся теоретик менеджмента П. Друкер (P. Drucker) отмечает, что «знания, в отличие от денег, тесно связаны с конкретной личностью. Именно человек всегда остается носителем знания, он создает, наращивает и совершенствует знания, а также применяет, преподает и передает их. Следовательно, с переходом к обществу знаний человек становится ключевой фигурой в этом новом мире [Друкер, 2004. С. 347]. Далее П. Друкер акцентирует внимание на новых явлениях в положении работника в производстве, утверждая, что «все чаще отношения между работником умственного труда и организацией носят характер взаимной зависимости» [Друкер, 2004. С. 372.].

Развитие экономики и общества знаний, новая роль и положение труда как субъекта инновационной деятельности объективно закладывают институциональные основы интеграции социального государства и инновационной экономики. Инновационная экономика (общество знаний), опираясь на новые производственные отношения, создает тем самым более прочные экономические основания для развития социального государства. В свою очередь, эволюция современных корпораций в условиях вызовов экономики знаний должна идти по пути большего контроля со стороны государства в отношении их социальной ответственности, а также установления новых партнерских отношений между государством, корпорациями и инновационной сферой внутри корпораций.

Заключение. Успешный опыт?

В качестве примера успешного развития социального государства (при всей его национальной специфике) может служить современный Китай. С одной стороны, стабильно развивающаяся экономика, опирающаяся на постоянно растущий научно-технический потенциал (рост показателя наукоемкости ВВП) и во все большей мере работающая на внутренний рынок обеспечивает рост благосостояния всего населения.

С другой стороны, социально ориентированная институциональная структура государства и экономики. Согласно представлениям некоторых западных экспертов, китайский государственный капитализм рассматривается как иерархия, в которой партия и правительство находятся наверху, государственные и частные работодатели ниже их, а масса служащих, работников располагается внизу. Партия и правительство мобилизуют частные и государственные ресурсы, сосредотачивая их на решении приоритетных социальных проблем. Ключевой урок китайского развития заключается в том, что экономические цели быстрее достигаются, если доминирующее социальное агентство уделяет первоочередное внимание их достижению и может мобилизовать для этой цели максимум ресурсов как частных, так и государственных. Этим агентством выступают партия и правительство Китая [Wolff, 2021].

Таким образом, возможные пути возрождения социального государства лежат, во-первых, в формировании такой институциональной конструкции экономической модели, которая обеспечивает стабильный экономический рост, исходя из принципа — «прежде чем делить нужно произвести». И во-вторых, такой модели демократии, которая транслирует «наверх» интересы и пожелания общества и обеспечивает его потребности.

ЛИТЕРАТУРА

- Буравой М. (2011). Последний позитивист // Сб. научных трудов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. Социологии и социал. психологии; Кафедра общей социологии НИУ–ВШЭ / Ред. и сост. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. М., 2011. С. 27–40. cyberleninka.ru/article/n/posledniy-pozitivist.
- В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда. (2014) / Под общ. ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшниковой. М.: ИД НИУ ВШЭ.
- Друкер П. (2004). Энциклопедия менеджмента. М.: Вильямс.
- Ефимов В.М. (2016). Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики. М.: Курс: ИНФРА-М.
- Кошовец О.Б., Ореховский П.А. (2018). Экономика против экономической системы: структуралистский анализ: Препринт. М.: МЭ РАН.
- Кругман П. (2009). Кредо либерала. М.: Европа.
- Линде А.Н. (2015). Делиберативная демократия как направление в современной теории демократии: анализ основных подходов // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. Вып. 1. (8). С. 52–58.
- Лэш К. (2002). Восстание элит и предательство демократии. М.: Логос & Прогресс.
- На пути к новой экономической теории государства. (2018) / Под ред. А.Я. Рубинштейна. М.: ИЭ РАН.
- Норт Д.К. (2010). Понимание процесса экономических изменений. М.: ИД НИУ ВШЭ.
- Ореховский П.А. (2020). Капитализм и демократия кредиторов (О книге В. Штрика «Купленное время. Отсроченный кризис демократического капитализма») // Вопросы теоретической экономики. № 3 (8). С. 183–190.
- Павленко Ю.Г. (2012). Социальные механизмы успешного развития // Современные проблемы экономической теории и практики / Под. ред. И.Ю. Ваславской, Ю.Г. Павленко). М.: ИЭ РАН.
- Павленко Ю.Г. (2018). Социальное государство и инновационная экономика // Россия и современный мир. № 4. С. 129–141.
- Павленко Ю.Г. (2020). Экономические проблемы научно-технического прогресса в исследованиях Института экономики // Вестник ИЭ РАН. № 2. С. 43–59.
- Розанваллон П. (1997). Новый социальный вопрос: переосмысливая государство всеобщего благосостояния. М.: Ad Marginem.
- Шестакова Е.Е. (2019). Современное социальное государство: патрон или помощник? // Вопросы теоретической экономики. 2019, № 2. С. 104–117.
- Штрик В. (2019). Купленное время. Отсроченный кризис демократического капитализма: Цикл лекций в рамках Франкфуртских чтений памяти Адорно. М.: ИД НИУ ВШЭ.
- Gouldner A. W. (1980). The Two Marxisms Contradictions and Anomalies in the Development of Theory. London: The Macmillan Press Ltd.
- Magala Sł. (2012). Gorzkie żale, czyli autorefleksja zawodowa // Przegląd Socjologii Jakościowej. PSJ. T. VIII №2. С. 296–301. www.przegladsocjologiijakosciowej.org (дата обращения: 4.03.2021). (На польском яз.)
- Nachtwey O. (2018). Germany's hidden crisis: social decline in the heart of Europe. rooklyn: Verso.
- Piketty Th. (2020). Capital and ideology. Cambridge, Mass: Harvard University Press.
- The Global Competitiveness Report 2016–2017. (2016). www3.weforum.org/docs/GCR2016-2017/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2016-2017_FINAL.pdf (дата обращения: 4.03.2021).
- Wolff R.D. (2020). Socialist or capitalist: What is China's Model, Exactly? www.counterpunch.org/2020/08/24/socialist-or-capitalist-what-is-chinas-model-exactly (дата обращения: 4.03.2021).

Павленко Юрий Григорьевич

yupavl83@mail.ru

Yuri G. Pavlenko

Doctor Habilitatus in Economics, Professor, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

yupavl83@mail.ru

SOCIAL STATE. IN SEARCH OF RENAISSANCE MECHANISMS

Abstract. In this work, we attempted to determine some directions for overcoming the crisis of the modern welfare state. A description of the crisis situation is given, some of its fundamental causes are identified, which form the mechanisms of inhibition. Particular attention is paid to the development of democratic procedures and the need for the formation of modern human value orientations, adequate to the challenges of the post-industrial society. In this regard, specific examples of the socially responsible behavior of some prominent representatives of domestic and foreign business are given. The decisive role of modern civil society in the formation of a socially oriented economy is emphasized. Attention is focused on discussions around the geographical and cultural determinism of scientific research, methodological aspects of the social 'rootedness' of science, contradictions between the global and the universal in the social sciences. The economic basis of a modern welfare state is considered an innovative economy, a knowledge economy. The state of the scientific and technical potential of Russia, its economy in the context of global competition is analyzed. The influence of the realities of the knowledge economy on the emergence of new forms of industrial relations is noted. Attention is drawn to the successful institutional 'development mechanisms' in China, ensuring the growth of the well-being of the population.

Keywords: *welfare state, paternalism, civil society, democracy, scientific and technical potential, innovative economy.*

JEL: B25, B40, I3, O38, P30.

REFERENCES

- Buravoj M. (2011). *Poslednij pozitivist* [The Last Positivist] // Sb. nauchnykh trudov / RAN. INION. Tsentr sotsial. nauch.-inform. issled. Otd. Sotsiologii i sotsial. psikhologii; Kafedra obshchey sotsiologii NIU-VSHE; Red. i sost. N.Ye. Pokrovskiy, D.V. Yefremenko. Pp. 27–40. cyberleninka.ru/article/n/poslednij-pozitivist (date of the application: 4.03.2020). (In Russ.)
- Druker P. (2004). *Enciklopediya menedzhmenta* [Encyclopedia of Management]. M.: Vil'yams. (In Russ.)
- Efimov V.M. (2016) *Ekonomicheskaya nauka pod voprosom: inye metodologiya, isto-riya i issledovatel'skie praktiki* [Economic Science under Question: Different Methodology, History and Research PRACTICES]. M.: Kurs: INFRA-M. (In Russ.)
- Gouldner A.W. (1980). *The Two Marxisms Contradictions and Anomalies in the Development of Theory*. London: The Macmillan Press Ltd.
- Koshovetz O.B., Orekhovskiy P.A. (2018). *Ekonomika protiv ekonomicheskoy sistemy: strukturalistskiy analiz*: Preprint [Economics vs. Economic System: Structuralist Analysis]. M.: IE RAN. (In Russ.)
- Krugman P. (2009). *Kredo liberala* [Creed of Liberal]. M.: Evropa. (In Russ.)
- Lash K. (2002). *Vosstanie elit i predatel'stvo demokratii* [The Uprising of the Elites and the Betrayal of Democracy]. M.: Logos & Progress. (In Russ.)
- Linde A.N. (2015). *Deliberativnoy demokratiya kak napravlenie v sovremennoy teorii demokratii: analiz osnovnykh podhodov* [Deliberative democracy as a direction in the modern theory of democracy: analysis of the main approaches] // *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie*. Vypusk 1. (8). Pp. 52–58. (In Russ.)
- Magala Sł. (2012). *Gorzkie zale, czyli autorefleksja zawodowa* // *Przegląd Socjologii Jakościowej*. PSJ. Vol. VIII. No. 2. Pp. 296–301. www.przegladsocjologiijakosciowej.org. (In Polish).
- Na puti k novej ekonomicheskoy teorii gosudarstva*. (2018) [Towards a new economic theory of the state] / Pod red. A.Ya. Rubinshtejna. M.: IE RAN. 2018. (In Russ.)
- Nachtwey O. (2018). *Germany's hidden crisis: social decline in the heart of Europe*. Brooklyn: Verso.
- North D.K. (2010). *Ponimanie processa ekonomicheskikh izmenenij* [Understanding the process of economic change]. M.: ID NIU VSHE. (In Russ.)
- Orekhovskiy P.A. (2020). *Kapitalizm i demokratiya kreditorov* (O knige V. Shtrika «Kuplennoe vremya. Otsrochennyj krizis demokraticheskogo kapitalizma») [Capitalism and Creditors' Democracy (On V. Shtrik's Book "Purchased Time. The Delayed Crisis of Democratic Capitalism")] // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. № 3 (8). Pp. 183–190. (In Russ.)
- Pavlenko Y.G. (2012). *Social'nye mekhanizmy uspehnogo razvitiya* [Social Mechanisms of Successful Development] // *Sovremennye problemy ekonomicheskoy teorii i praktiki* / Pod. red. I.Yu. Vaslavskoy, Yu.G. Pavlenko. M.: IE RAN. (In Russ.)

- Pavlenko Y.G. (2018). Social'noe gosudarstvo i innovacionnaya ekonomika [Social State and Innovative Economy] // *Rossiya i sovremennyy mire*. No. 4. Pp. 129–141. (In Russ.)
- Pavlenko Y.G. (2020). Ekonomicheskie problemy nauchno-tehnicheskogo progressa v issledovaniyah instituta ekonomiki [Economic Problems of Scientific and Technological progress in the Studies of the Institute of Economics] // *Vestnik IE RAN*. No. 2. Pp. 43–59. (In Russ.)
- Piketty Th. (2020). *Capital and ideology*. Cambridge, Mass: Harvard University Press.
- Rozevallon P. (1997). *Novyy social'nyj vopros: pereosmyslivaya gosudarstvo vseobshchego blagosostoyaniya* [A New Social Question: Rethinking the Welfare State]. M.: Ad Marginem. (In Russ.)
- Shestakova E.E. Sovremennoe social'noe gosudarstvo: patron ili pomoshchnik? [Modern Welfare State: Patron or Assistant?] // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. 2019. No. 2. Pp. 104–117. (In Russ.)
- Shtrik V. (2019). *Kuplennoe vremya. Otsrochennyj krizis demokraticeskogo kapi-talizma: Cikli lekciy v ramkah Frankfurtskih chtenij pamyati Adorno* [Purchased time. The Delayed Crisis of Democratic Capitalism: A Lecture Series in the Frankfurt Readings in Memory of Adorno]. M.: ID NIU VSHE. (In Russ.)
- The Global Competitiveness Report 2016–2017*. (2016). www3.weforum.org/docs/GCR2016-2017/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2016-2017_FINAL.pdf (date of the application: 4.03.2020).
- V teni regulirovaniya: neformal'nost' na rossijskom rynke truda*. (2014). [In the Shadow of Regulation: Informality in the Russian Labor Market] / Pod red. V.E. Gimpel'son, R.I. Kapelyushnikov. M.: ID NIU VSHE. (In Russ.)
- Wolff R.D. (2020). *Socialist or capitalist: What is China's Model, Exactly?* www.counterpunch.org/2020/08/24/socialist-or-capitalist-what-is-chinas-model-exactly (date of the application: 4.03.2020).